

«Человек-компьютер» антиментализма и индивидуальность мышления

Согласно популярным в современной аналитической философии антименталистским взглядам относительно принципов функционирования мышления и языка, человек представляет собой нечто вроде социально запрограммированного автомата или компьютера. Что бы «внутри него» ни происходило, единственно важным является то, что все это запускает в нем какие-то программы действий, вербальных и невербальных. Мышление, согласно таким представлениям, — это не ментальный процесс, а всего лишь проявление рациональности в поведении, состоящем в последовательности действий по образцам, в осуществлении определенной социально заданной практики.

В аналитической философии человек вообще часто уподобляется компьютеру. Таково, например, мнение Д. Деннета: «...соответствующее „запрограммированный“ робот с компьютерным мозгом на силиконовой основе в принципе был бы сознательным, был бы самостью» [1]. Р. Рорти говорит, что «тело человека подобно компьютеру, его hardware, а верования и желания человека аналогичны программному обеспечению компьютера, его software» [2]. Согласно Х. Патнему, «наша психология должна быть описана как программное обеспечение этого компьютера — как его „функциональная организация“» [3]. Сходные мысли высказывает и Д. Дэвидсон [4].

Такой «компьютерный» функционализм неизбежно вызывает многочисленные вопросы и возражения. Обычно функционалистскую сводимость ментального к физическому опровергают указанием на несводимость отчетов от первого лица об ощущениях, воспоминаниях, намерениях, мнениях и других ментальных актах к отчетам в третьем лице. Наибольшую проблему при этом вызывает невозможность объяснения качественного характера нашего опыта, невозможность функционалистского объяснения qualia. Считается, что наибольшую трудность редукционистского объяснения сознания представляют собой именно феноменологические качества внутренних состояний. Хотя имеется множество фактов того, что люди обманываются в интроспективных отчетах о своих ментальных состояниях, все же мое ощущение — это то, что переживаю я лично, а не просто физическая реакция организма и вербальный отчет о ней. Так, Т. Нагель говорит: «Проблема состоит в отсутствии какой бы то ни было мыслимой связи между изменением моей субъективной точки зрения и изменением физико-химической активности моего мозга. Они могут экстенционально совпадать сколько вам угодно, но тождественность предполагает нечто большее. <...> И пока этот провал в объяснении остается, отождествление рассматриваемых нами состояний будет проблематичным» [5]. Дж. Сёрл также считает, что попытки редукционирования сознания с физикалистских или функционалистских позиций не устраняют несоответствия между отчетами о внутренних состояниях от первого лица и описаниями таких состояний с позиций третьего лица [6]. И даже Х. Патнем, пытающийся построить антименталистскую функционалистскую модель сознания, вынужден констатировать наличие серьезных проблем в этой области: «...функционалистская теория сталкивается с проблемами при объяснении качественного характера ощущений. Когда речь идет об относительно абстрактных, чистых психологических состояниях, например о том, что мы называем убеждением, „заключенным в скобки“, то есть о мысли, которая рассматривается исключительно в ее „понятийном“ содержании, или же о таких распространенных эмоциональных состояниях, как состояние ревно-

сти или же состояние раздраженности, то идентификация этих состояний с функциональными состояниями всей системы в целом представляется весьма убедительной. Но когда речь заходит о том, что человек обладает каким-то данным ему качеством, например, ощущает определенный оттенок голубого цвета, идентификация выглядит неправдоподобной» [7].

Из последней цитаты следует, что мыслительные, когнитивные и тому подобные процессы считаются легче поддающимися функционалистскому объяснению. Однако, по нашему мнению, функционалистское истолкование мыслительных способностей человека также не лишено трудностей. Против функционализма вполне возможно выдвинуть возражения, касающиеся объяснения как раз того, что Патнем называет «мысль, которая рассматривается исключительно в ее „понятийном“ содержании». Именно об этом мы и хотим поговорить в данной статье.

* * *

Предположим, что человек — это действительно компьютер, и рассмотрим, какие следствия должны из этого вытекать.

В компьютере нет ничего индивидуального. Все его программы надындивидуальны, «социальны». Из этого вытекает, что «знание», которым обладает компьютер, неиндивидуально. Его «мышление» неиндивидуально: это лишь взаимодействие вложенных в него различных программ. Но и его «познание» также не может быть индивидуальным. Компьютер, если он встроен, например, в какую-то исследовательскую машину по изучению, скажем, поверхности Луны, конечно, получает новые, «индивидуальные» данные о реальности, но получает их на основе «программ познания», изначально заложенных в него и носящих неиндивидуальный характер. Он ничего не привносит в процесс познания от себя. Получить те же самые данные мог бы любой другой компьютер. Компьютер не может употреблять надындивидуальные программы индивидуальным образом. Его мышление и познание экстенсивно, приращение знания лишь количественно.

Здесь уместно вспомнить мнение по этому поводу Д. Деннета. Стремясь уподобить человека компьютеру, этот автор утверждает, что компьютер мог бы, в принципе, действовать совершенно так же, как люди. Он говорит, что компьютер можно запрограммировать таким образом, что он будет неотличим от человека и будет писать такие художественные произведения или составлять такие рассказы о себе самом, что его невозможно будет отличить от человека [8].

Что на это можно сказать? Деннет утверждает, что такой компьютер сможет сам изменять свои программы и составлять новые, на основании чего он якобы и будет способен создавать свое собственное, оригинальное повествование. Деннет считает, что подобные произведения будут индивидуальными произведениями компьютера, якобы даже наделяющими его самостью, делающими его личностью. Однако он не замечает того факта, что новизна программ такого компьютера будет только количественной, экстенсивной. Все новые программы, созданные таким компьютером для написания текстов, будут только калейдоскопом обрывков человеческих программ, составленных заранее. Так что герой рассказа такого компьютера Гилберт и сам рассказ о нем будут порождением не компьютера, а написавших его программу людей. В человеке же, в отличие от компьютера, есть нечто, что дает ему способность творить новое, а не просто все время воспроизводить старое. Это делает его мышление индивидуальным.

Именно вопрос о том, как возникают новые функциональные программы, что является их источником, и способен подорвать функционалистские объяснения мышления. Вследствие того, что когнитивные состояния сознания во многих случаях выражаются людьми в языковой форме, а также потому, что сами антименталисты склонны приравнивать такие состояния к вербальным пропозициям, настаи-

вая на исключительно языковой природе мышления, у них и создается впечатление, что объяснить подобные состояния функционалистским образом не представляет проблемы. В этом случае мышление изображается в виде простого манипулирования словами и предложениями, что легко смоделировать на компьютере. Однако, обойдя стороной проблему сущности когнитивных состояний, проигнорировав то обстоятельство, что они не сводятся к вербальным высказываниям, что данные ментальные состояния по содержанию являются не менее сложными, чем *qualia*, и представляют собой, по большому счету, переживания качественно того же типа, что и переживания *qualia*, сведя все рассмотрение проблемы к рассмотрению только внешней, вербальной оболочки мыслительных процессов, функционалистам все равно не удастся обойти вопрос об источниках возникновения этих внешних вербальных форм.

Справедливости ради следует признать, что функционалисты все же делают попытки объяснить, как возможно возникновение таких функциональных программ. Так, вслед за Р. Докинсом, Д. Деннет уподобляет эволюцию информационных программ эволюции биологической [9]. Такие программы возникают якобы в результате эволюции подобной дарвиновской. Однако Деннет забывает, что теория эволюции по-настоящему объясняет только, как виды (в нашем случае программы) исчезают и как некоторые из них избегают исчезновения, но совсем не объясняет, как они появляются на свет. Так что, управляйся деннетовский человек-компьютер такими законами, он не смог бы создавать новые программы, новые мемы, в то время как реальный человек делать это все же может. Кроме того, Деннет полностью отождествляет сознание человека с его мемами и при этом совершенно игнорирует проблему «материи» сознания. Но в этом случае возникает сходный вопрос: что тогда является той «средой», в которой появляются новые мемы, в которой они существуют и которая, в конечном счете, и является источником их возникновения? [10]

Подобные же недочеты присущи и Р. Рорти. Вот, например, что он говорит в связи с рассматриваемым нами вопросом:

*...в конце концов, подлинная новизна может появиться в мире слепых, случайных, механических сил. Представьте себе, что новизна — это нечто такое, что случается, например, когда космическое излучение ударяет атомы молекулы ДНК и предопределяет тем самым ход развития вещей в направлении орхидеи или антропоидов. <...> Подобным же образом... метафорическое использование Аристотелем *ousia*, метафорическое использование св. Павлом *agape* и метафорическое употребление Ньютоном *gravitas* были результатом воздействия космических лучей, проникающих в тонкие структуры некоторых важнейших нейронов их почтенных мозгов. Или, более вероятно, они были результатом некоторых необычных эпизодов детства, некоторых навязчивых странностей, угнездившихся в их мозгах из-за идиосинкразических травм. Неважно, как это удалось. Результаты были изумительны [11].*

По поводу слов Рорти следует заметить, что, во-первых, все это чистойшей воды метафоры, а во-вторых — все подобные «космические лучи» и «необычные эпизоды детства» представляют собой лишь косвенные причины интеллектуальных новаций. Необходим какой-то «медиум», внешнее воздействие на который и будет запускать процесс появления таких новаций, но все же прямой причиной интеллектуальных изменений будут процессы, протекающие в самом «медиуме». В приведенной цитате очень характерна фраза «Неважно, как это удалось». Как раз наоборот: это очень важно. Но, как мы видим, у Рорти нет никакого подлинного объяснения, как могли произойти подобные перемены. Он просто констатирует факт появления интеллектуальных новшеств и произвольно связывает его с желаемым для него представлением.

На неправомерность приравнивания человека к компьютеру указывают многие критики. И одно из наиболее серьезных возражений вызывает, естественно, «семиотический материализм» Деннета, который сводит на нет различия между человеком и машиной. Из рассуждений Деннета выходит, что оперирование знаковой системой является более важным свидетельством сходства людей с компьютерами, чем их физиологическое сходство с животными. Однако аналогия между когнитивными процессами, присущими человеку, и информационными процессами компьютера основывается только на сходстве синтаксиса. Но, как обычно указывают, для придания системе семантических характеристик требуется познающий субъект, поскольку без него символы сами по себе лишены смысла. Без человека с его сознанием нет того, кто мог бы наделить эти символы значением, понять их.

Одним из наиболее популярных аргументов против деннетовского «семиотического материализма» является образ «китайской комнаты» Дж. Сёрла. Сёрл предлагает представить, что в некой комнате сидит человек, который получает сообщения на китайском языке. Он не знает этого языка, однако знает, как синтаксически правильно преобразовывать иероглифы так, чтобы получались тексты, понятные для носителей языка. Иными словами, он владеет определенной программой. У китайцев, получающих созданные им тексты, возникает впечатление, что этот человек понимает содержание получаемой и отправляемой информации. Но в действительности он, как и компьютер, представляет собой всего лишь машину синтаксической трансформации [12]. Позднее Сёрл делает вывод о том, что не только «семантика не является внутренне присущей синтаксису», но что и «синтаксис внутренне не присущ физическим свойствам» [13]. Следовательно, для того чтобы какая-то система могла быть пусть не семантической, но хотя бы синтаксической, необходимо допустить существование некоего постороннего агента, обладающего сознанием, «гомункулуса» [14].

Нам хотелось бы высказать свое мнение по поводу точки зрения Сёрла. Как нам кажется, его доводы, основанные на примере с «китайской комнатой», работают не вполне успешно. Так, одним из основных опровергающих аргументов Сёрла является утверждение о том, что человек, когда он по-настоящему понимает и мыслит, не делает выбора в соответствии с каким-то предзаданным алгоритмом. Однако, если мы будем исходить из бихевиористского и операционалистского подхода, который вполне соответствует подобным теориям (кстати, в остаточном бихевиоризме и операционализме Сёрл в указанной статье как раз и обвиняет представителей «философии сильного искусственного интеллекта»), есть возможность заявить, что человек формулирует свои ответы именно на основании прежних лингвистических и нелингвистических образцов, а «программа» для выбора этих образцов находится у него в «подсознании», поэтому ему и кажется, что он понимает, а не выбирает на основании какого-то алгоритма. Но ведь он и не может осознать, как происходит выбор: если его осознание — это лингвистический образец, то понятно, что сам выбор образца выпадает из сферы такого «осознавания».

Как кажется, наши доводы выглядят несколько более убедительно. Такой компьютер сможет выбирать образцы ответов, но не сможет создавать качественно новые образцы (а не модификации и комбинации прежних), в то время как человек на это способен.

Пусть даже под влиянием современной философской конъюнктуры мы отказываемся представлять сознание (которое, следует признать, является все же чем-то неясным и загадочным) в виде некой субстанции или чего-то подобного и склонны понимать его все больше в функционалистском ключе, тем не менее, следует рас-

сма­три­вать его как *сво­бо­ду, ин­ди­ви­ду­аль­ность дей­ствий*, как *сво­бо­ду* на­хо­дить и соз­да­вать но­вые об­раз­цы по­ве­де­ния, спо­со­бы опе­ри­ро­ва­ния ве­ща­ми и не рас­сма­три­вать его толь­ко как не­что со­ци­аль­но за­про­грам­ми­ро­ван­ное. Но то­гда вно­вь воз­ни­ка­ет все тот же во­прос: что это за таин­ствен­ная сво­бо­да, что это за свой­ство, ко­то­рое по­зво­ля­ет соз­да­вать но­вые функ­ци­о­наль­ные про­грам­мы? Ведь, соб­ствен­но го­во­ря, функ­ци­о­на­лизм все­гда по­драз­у­ме­ва­ет за­про­грам­ми­ро­ван­ность. Функ­ци­о­наль­ная про­грам­ма не может из­ме­нить са­ма се­бя. Не­об­хо­ди­мо ка­кое-то внеш­нее воз­дей­ствие. Но в чем оно со­сто­ит в слу­чае соз­на­ния?

Именно при­зна­ние на­ли­чия в соз­на­нии че­ло­ве­ка ис­точ­ни­ка соз­да­ния но­вых про­грамм по­ды­ра­ет функ­ци­о­на­лизм, по­сколь­ку, да­же ес­ли мы при­зна­ем, что, в це­лом, соз­на­ние пред­став­ляет со­бой ком­би­на­цию про­грамм, са­мо су­ще­ство­ва­ние по­доб­но­го ис­точ­ни­ка но­ва­ций, ко­то­рый по оп­ре­де­ле­нию не может быть об­ьяс­нен функ­ци­о­на­ли­ст­ски, сви­де­тель­ствует о том, что в ос­но­ва­нии все рав­но ле­жит не­что функ­ци­о­на­ли­ст­ски необ­ьяс­ни­мое. Та­ким об­раз­ом, на­ши рас­суж­де­ния по­ка­зы­ва­ют не­до­ста­точ­ность и неоп­рав­дан­ность функ­ци­о­на­ли­ст­ско­го об­ьяс­не­ния соз­на­ния. Пусть да­же бо­ль­шая часть де­ятель­но­сти че­ло­ве­ка оп­ре­де­ля­ет­ся та­ки­ми функ­ци­о­наль­ны­ми про­грам­ма­ми, тем не ме­нее, ес­ть не­что, что вы­хо­дит за пре­де­лы про­сто функ­ци­о­наль­но­сти и что не может быть по­ка об­ьяс­не­но.

Сом­ни­тель­но, что­бы че­ло­век был ком­пью­те­ром. В рас­сма­три­ва­е­мом на­ми плане ком­пью­тер — это при­спо­со­бие ка­че­ствен­но не бо­лее слож­ное, чем про­стые сче­ты или ариф­мо­метр; он пред­став­ляет со­бой лишь ко­личес­вен­ное услож­не­ние по срав­не­нию с по­след­ни­ми. Од­на­ко на упо­мя­ну­тых уст­рой­ствах счита­ет че­ло­век. Ни­ко­му и в го­ло­ву не при­дет упо­доб­лять соз­на­ние че­ло­ве­ка по­доб­ным ве­щам. Так что, ве­дя раз­го­во­ры о сход­стве ком­пью­те­ра с че­ло­ве­ком, как-то упу­ска­ют из ви­ду, что со­став­ной частью «соз­на­ния» ком­пью­те­ра яв­ля­ет­ся че­ло­ве­че­ское соз­на­ние, спо­соб­ное к соз­да­нию но­во­го. И ес­ли че­ло­век — это ком­пью­тер, кто то­гда пи­шет про­грам­мы для не­го?

Сле­ду­ет при­знать, что это не че­ло­век по­хо­ж на ком­пью­тер, а ком­пью­тер — на че­ло­ве­ка, вер­нее, на оп­ре­де­лен­ное пред­став­ле­ние о че­ло­ве­ке, за­клю­ча­ю­ще­е­ся в оп­ре­де­лен­ном, очень ог­ра­ни­чен­ном спо­со­бе пред­став­ле­ния его ко­гни­тив­ных ха­рак­те­ри­стик. Ком­пью­тер был соз­дан в по­д­ра­жа­ние оп­ре­де­лен­но­му спо­со­бу фор­ма­ли­за­ции че­ло­ве­че­ско­го мыш­ле­ния и поз­на­ния. Но та­кой спо­соб фор­ма­ли­за­ции во­все не от­ра­жа­ет все­го бо­гат­ства свойств че­ло­ве­че­ско­го мыш­ле­ния.

Литература и ссылки:

1. Цит. по: *Юли­на Н. С.* Ден­нет: са­мость как «центр нар­ра­тив­ной гравита­ции» или по­че­му воз­мож­ны са­мость­ные ком­пью­те­ры // *Во­про­сы фи­ло­со­фии*. 2003. № 2. С. 105.
2. *Рор­ти Р.* Реля­тивизм: най­ден­ное и сде­лан­ное // *Фи­ло­со­фский праг­ма­тизм* Ри­чар­да Рор­ти и рос­сий­ский кон­текст. М.: Тра­ди­ция, 1997. С. 28. См. так­же: *Рор­ти Р.* Фи­ло­со­фия и зер­кало при­ро­ды. Но­во­си­бирск: Изд-во Но­во­сиб. гос. ун-та, 1997. С. 188–189.
3. Цит. по: *Ма­ке­ева Л. Б.* Фи­ло­со­фия Х. Пат­не­ма. М., 1996. С. 67. См. так­же: *Пат­нем Х.* Фи­ло­со­фия соз­на­ния. М.: Дом ин­тел­лек­ту­аль­ной кни­ги, 1999.
4. См.: *Дэвидсон Д.* Ма­те­ри­аль­ное соз­на­ние // *Ана­литическая фи­ло­со­фия: Из­бран­ные тек­сты*. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 131–144.
5. *Нагель Т.* Мыс­ли­мость не­воз­мож­но­го и про­бле­ма ду­ха и те­ла // *Во­про­сы фи­ло­со­фии*. 2001. № 8. С. 105. См. так­же: *Nagel T.* What is it like to be a bat? // *The Philosophical Review* LXXXIII, 4 (October 1974). P. 435–50; *Мар­го­лис Дж.* Лич­ность и соз­на­ние. М.: Про­гресс, 1986. С. 129–132.

6. См.: *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 122—125; *Сёрл Дж.* Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 376—400.
7. *Патнем Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 109.
8. *Деннет Д.* Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 124—125.
9. См.: *Dennett, Daniel C.* (Spring 1990) Memes and the Exploitation of Imagination. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 48. P. 127—135.
10. Вот что по поводу селекционизма Деннета говорит Дж. Марголис: «Было бы очень трудно найти более откровенную формулировку неодарвинистского „канона“, чем та, которую выдвинул Дэниел Деннет. Но так же трудно найти и какие-то бы то ни было убедительные научные или философские свидетельства, которые могли бы подтвердить его тезис, если не считать его решительного утверждения, что в конечном счете означает дарвинизм (кстати, противоречащего тому, что утверждал сам Дарвин, как это заметил Хомский). <...> Собственно говоря, Деннет заявляет без каких-либо видимых оснований, будто из этого следует, что разум, язык и культуру следует объяснять по существу в терминах дарвиновского отбора, а следовательно, алгоритмически! <...> То, что здесь говорит Деннет, чрезвычайно близко к тем механическим философиям, которым первоначально противостоял Декарт» (*Марголис Дж.* Материализм менее чем адекватными средствами // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 96).
11. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 39.
12. См.: *Сёрл Дж.* Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 376—400.
13. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 195.
14. Там же. С. 196—198.